

АГЕНСТВО КУПИДОН

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Последнее дело Эммы

Екатерина Мордвинцева

**Агентство Купидон.
Последнее дело Эммы**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Агентство Купидон. Последнее дело Эммы / Е. Мордвинцева —
«Литнет», 2026

Эмма, сваха с магическим даром, и Бастиан, циничный сыщик, — лучшие друзья. Пока он не просит её найти ему пару. Теперь, играя в эту опасную игру с чувствами, они должны понять, где заканчивается дружба и начинается любовь, которую не видно даже волшебным зрением.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Тихий стук дождя по оконному стеклу был единственным звуком, нарушающим сосредоточенную тишину в кабинете агентства «Купидон». Эмма склонилась над толстой папкой с анкетами, водя пальцем по строчкам. Её взгляд, привыкший выхватывать невидимые другим алые нити, сейчас изучал земные детали: «любит лионские круассаны», «боится пауков», «мечтает о путешествии на воздушном шаре». Соединять сердца было кропотливой работой, где магия дара шла рука об руку с человеческим пониманием.

— Опять зарывшись в бумаги? — Раздавшийся с порога голос заставил её вздрогнуть.

В дверях, стряхивая капли дождя с тёмных волос, стоял Бастиан. Его длинный плащ пахнет ветром, мокрой листвой и чем-то неуловимо знакомым — безопасностью.

— Не каждый день к нам заходит сама фортуна в таком потрёпанном виде, — парировала Эмма, откладывая перо. Уголки её губ дрогнули в сдержанной улыбке. — Или тебя просто ветром сюда занесло?

— Сознаюсь, был в районе, — Бастиан сбросил плащ на вешалку и развалился в кресле для клиентов с видом хозяина. — Думал, вдруг у моей любимой свахи накопилось для меня что-то стоящее. Очередь из прекрасных незнакомок, томящихся в ожидании моей улыбки.

Он говорил шутливо, но в карих глазах, пристально наблюдавших за её реакцией, мелькнула тень чего-то настоящего.

— Очередь пока не выстроилась, — Эмма отмахнулась, чувствуя странный укол под ложечкой при его словах. — У меня клиентка, которая считает, что идеальный мужчина должен разбираться в сорока семи видах сыра и уметь жонглировать. Ты жонглируешь?

— Только проблемами, — вздохнул Бастиан с преувеличенной скорбью. — И собственным одиночеством. Оно, знаешь ли, становится таким... громоздким. Пора бы ему найти себе пару и переехать.

Шутка прозвучала привычно, но в конце фразы голос его слегка сорвался, и он быстро перевёл взгляд на окно. Эмма на мгновение застыла. Она привыкла читать невидимые нити между людьми, но эмоции лучшего друга почему-то часто оставались для неё загадкой. Может, потому, что смотреть в ту сторону было... страшновато.

— Ну, если серьёзно, — продолжил Бастиан, уже собранно, — как дела с тем графом-недотепой, что забыл у вас свои валенки? Неужто так и не объявился?

— Объявился, — оживилась Эмма, радуясь смене темы. — Ты был прав, след на вещах остался. Мы нашли его в мире Туманов. Оказалось, его «срочная женитьба» — попытка родителей остановить войну между двумя гильдиями алхимиков. Драматично, конечно.

— И? — Бастиан приподнял бровь.

— И мы нашли его «фиктивную невесту». Точнее, он нашёл её сам, прямо на пороге нашего дома, в слезах. Ты знаешь, я увидела их нити. Они были... идеально сплетены. Просто им нужен был толчок, чтобы увидеть друг друга. — Глаза Эммы заблестели от профессионального восторга. — Иногда людям нужен лишь маленький повод, чтобы признаться себе в правде.

— Повезло им, — тихо произнёс Бастиан, и его взгляд снова стал невыносимо внимательным. — А у меня, видимо, повода маловато.

В воздухе повисло неловкое молчание, которое спас звонок дверного колокольчика. На пороге стоял молодой посыльный в необычной ливрее с перламутровым отливом. В руках он держал не конверт, а небольшой, плотно завинченный свиток из пергамента, перевязанный серебряным шнурком с восковой печатью.

— Мисс Эмма Броудс? Вам.

Посыльный вручил свиток, кивнул и исчез так же быстро, как и появился, не дожидаясь ответа.

— Никто не предупреждал, что вы начинаете принимать заказы от морских королей, — пошутил Бастиан, но в его тоне появилась настороженность сыщика.

Эмма сломала печать. Воск был тёплым, словно его только что растопили. Печать изображала стилизованную волну, обвивающую трезубец. Знаком она ей не была.

Развернув пергамент, она увидела безупречный каллиграфический почерк.

«Глубокоуважаемая мисс Броудс.

Молва о вашем исключительном даре, который вы так скромно именуете работой брачного агентства, достигла самых отдалённых уголков Междумирья. Я обращаюсь к вам с делом величайшей деликатности и секретности.

Мне требуется найти идеальную пару для человека, чьё положение обязывает его вступить в брак, но чьё сердце остаётся свободным. Речь идёт не о простом союзе, а о соединении судеб, которое было бы одобрено самими Норнами Пряжами.

Критерии обширны и не ограничиваются титулами или состоянием. Важен характер, сила духа, умение хранить тайны и... определённая магическая восприимчивость. Клиент мой — особа знатная, потому все переговоры и встречи должны проходить через меня.

Если вы согласны взяться за это непростое дело, оставьте знак в витрине вашего агентства — белую орхидею. Мы свяжемся с вами.

Вознаграждение будет соответствовать сложности задачи и удовлетворит любые ваши ожидания.

С почтением, В.Н.»

Эмма перечитала письмо дважды, ощущая, как по спине пробежал холодок. «Идеальная пара», «одобрено Нормами», «магическая восприимчивость»... Это звучало так, словно кто-то знал или догадывался о её даре видеть нити судьбы.

— Что там? — Бастиан подошёл ближе, его плечо почти касалось её плеча. Он прочёл письмо через её плечо, и его лицо стало серьёзным. — «В.Н.»... Знакомых инициалов нет. Печать — морская тематика, но не из основных водных миров, с которыми я сталкивался. Перламутровый отлив на ливрее... Это может быть Сильванарий, подводные княжества. Или один из аристократических Домов мира Аэтрии, они любят такую эстетику.

— Они говорят о «даре», — тихо проговорила Эмма. — Будто знают.

— Или очень хорошо прощупали почву, — мрачно заключил Бастиан. — Это пахнет не просто брачной авантюрой, Эм. Это пахнет политикой, большими деньгами и большими проблемами. Клиент «знатный»... Под это описание подходит добрая половина неженатых наследников в соседних мирах.

Он взял у неё из рук пергамент, изучая почерк и бумагу.

— Что будешь делать? — спросил он, и в его голосе слышалось не только профессиональное любопытство.

Эмма посмотрела на письмо, затем на Бастиана. В его глазах читалась готовность помочь, ввязаться, защитить. И что-то ещё — усталое ожидание. Она вспомнила его шутки об одиночестве. Возможно, это дело — именно тот «повод», которого ей не хватало, чтобы отвлечься от странного смущения, которое она всё чаще чувствовала в его присутствии.

— Это вызов, — наконец сказала она, поднимая подбородок. — И клиент предлагает щедро заплатить. Агентству «Купидон» нужна громкая, сложная история успеха. Чтобы о нас узнали не только те, кто боится пауков.

— А если это ловушка? — спросил Бастиан прямо. — Если за этим стоит кто-то из Дариона?

Эмма вздрогнула, но затем твёрдо покачала головой.

— Стиль не их. Да и королевские соглядатаи действуют грубее. Нет, это что-то другое. Что-то... интригующее.

Она подошла к небольшой этажерке с комнатными растениями, где среди зелени скромно цвела фаленопсис с белоснежными лепестками. Аккуратно сняла горшок.

— Ты прав, это риск, — сказала она, выставляя орхидею на самое видное место в витрине, рядом с вывеской «Купидон». Дождь за окном застилал мир мутной пеленой, но белый цветок горел в полумраке как маяк. — Поэтому мне понадобится лучший сыщик Междумирья, чтобы проверить, кто скрывается за этими инициалами. Если, конечно, он не слишком занят жонглированием своим одиночеством.

Бастиан смотрел на неё, и постепенно напряжённость в его угловатых плечах сменилась на знакомую решимость. В уголках его глаз собрались лучики смешинок.

— Ты же знаешь, я всегда с тобой ввязываюсь в авантюры, — он тяжело вздохнул, изображая мученика, но взгляд выдавал его. — Даже если они пахнут сыром, пауками и тайнами подводных царств. Держи карман шире, партнёр. Начинаем расследование.

И пока Эмма смотрела на белую орхидею, чувствуя смесь страха и азарта, она поймала себя на мысли, что с Бастианом рядом этот страх куда-то отступал, оставляя место только азарту. И это новое чувство было почти так же пугающе, как и загадочное письмо.

Глава 2

Белый фаленопсис в витрине простоял три дня. Три дня Эмма ловила себя на том, что бросает на него тревожные взгляды между приёмами клиентов, словно ожидая, что цветок внезапно испустит ядовитый газ или распустится в виде зловещего символа. Но ничего не происходило. Только Саруг, поливая его, ворчал, что «эта вычурная ветреница отвлекает добропорядочных женихов от более важных вещей — например, от его свежеспечённых булочек с корицей».

Тем временем, обещание, данное Бастиану, висело в воздухе невыполненным долгом. И сегодня утром, разбирая почту (счет от торговца бумагой, благодарственное письмо от сына алхимиков и реклама нового трактира «У спящего дракона»), Эмма наконец приняла решение. Она отодвинула папку с текущими делами и достала с нижней полки шкафа толстый, опрятно подшитый фолиант — основную базу данных агентства «Купидон».

Она открыла его на разделе «Девушки, 20-30 лет, активный поиск». Ранее она листала эти страницы с холодной, профессиональной отстранённостью: найти соответствие критериям, сопоставить интересы, проверить социальную совместимость. Сегодня же она глубоко вздохнула и мысленно произнесла новую, странную мантру: «Подходит ли она Бастиану?»

Первая же анкета заставила её поморщиться.

«Ариэль, 24 года. Мир: Сильванарий (прибрежные поселения). Ищет: сильного, молчаливого мужчину, который сможет обеспечить её и их будущих детей. Увлечения: плетение сетей, пение морским волнам, коллекционирование раковин. Магические способности: слабый гидрокинез (может наполнить стакан водой). Особые пожелания: чтобы муж не боялся глубины».

Эмма представила Бастиана, молчаливо плетущего сети где-нибудь на влажном берегу. Картина не складывалась. Он был городским жителем до кончиков пальцев, любил шум трактиров, азарт расследования, быстрые перемещения между мирами. Гидрокинез... Да он чайник-то магией разогреть ленится, предпочитая обычный огонь. «Не его стихия», — отчеркнула она в уме и перелистнула страницу.

«Лираэль, 28 лет. Мир: Элинон (высокогорные княжества). Ищет: утончённого аристократа, ценителя искусств. Увлечения: игра на арфе, каллиграфия, разведение редких пород белых грифонов. Магия: усиление звука, создание иллюзий света. Особые пожелания: обязательное наличие родового замка».

Замка у Бастиана не было. Был уютный, вечно немного беспорядочный кабинет сыскного бюро, пахнувший старой бумагой, порошком для светошумовых заклинаний и кофе. Он мог отличить Моцарта от Сальери, только если это помогло бы в расследовании, а на арфе предпочёл бы сыграть что-нибудь весёлое и неуклюжее, чтобы рассмешить её. «Слишком жёсткие рамки. Он их не выдержит, будет чувствовать себя в клетке», — подумала Эмма, уже более уверенно.

Третья анкета была другой.

«Кира, 26 лет. Мир: Нейтральные территории (бывшая торговка). Ищет: надёжного партнёра для совместного бизнеса и путешествий. Увлечения: карты, фехтование на тростях, изучение новых языков и законов миров. Магия: отсутствует. Особые пожелания: честность и чувство юмора».

Эмма задержалась на этой странице. Карты... Бастиан отлично блефует. Фехтование... Он владел клинком вполне прилично. Путешествия, бизнес... Да они могли бы превратить его сыскное бюро и её агентство в могучий альянс. И чувство юмора... О, с этим у него всё было в полном порядке.

Она уже было мысленно начала представлять их первую встречу, как вдруг её внутренний взор, настроенный на поиск «идеальной пары», выдал крамольную мысль: «Она будет прово-

дить с ним больше времени, чем я. Они будут вместе путешествовать, смеяться над шутками, которых я не услышу...»

Эмма резко закрыла фолиант, как будто поймала себя на воровстве. Сердце неприятно забилося. Что это было? Профессиональная ревность? Боязнь потерять делового партнёра?

— Подбираешь себе конкурентку? — раздался у самого её уха насмешливый голос.

Эмма вздрогнула и чуть не уронила со стола чернильницу. Саруг стоял рядом, держа в руках поднос с двумя чашками дымящегося чая и тарелкой тех самых булочек. Его глаза-буравчики смотрели на неё с неподдельным интересом.

— Я... я выполняю обещание, — с достоинством ответила Эмма, отодвигая фолиант. — Бастиану нужна пара. Я помогаю как друг.

— Как друг, — протянул гном, ставя перед ней чашку. Он присел на соседний стул, который для него был как кресло. — Интересная дружба. Обычно друзья подбирают друг другу компанию для похода в таверну, а не спутников жизни. Особенно с таким... сосредоточенным выражением лица. Ты смотрела на эти анкеты так, будто разглядывала улики на месте преступления.

— Это и есть работа! — возразила Эмма, чувствуя, как её щёки начинают предательски теплеть. — Нужно анализировать, сопоставлять...

— ...исключать, — закончил за неё Саруг, откусывая булочку. — Я видел. Первую — слишком «водную», вторую — слишком «воздушную». Третья вроде ничего, но ты её тоже мысленно отринула. Почему?

Эмма растерянно замолчала. Почему? Она и сама не могла бы объяснить логически.

— Она... она ему не подходит, — наконец выпалила она.

— По каким параметрам? — гном прищурился. — Деловая хватка есть, характер подходящий, не боится приключений... Чем не пара для нашего искателя приключений?

— У неё нет магии, — вдруг нашлось у Эммы «объективное» объяснение. — А Бастиан — маг. Слабый, но всё же. Им может быть... скучно.

— Ах, вот оно что! — Саруг кивнул с преувеличенным пониманием. — Ей обязательно нужно уметь поджигать взглядом письма или вызывать излишнюю росу. Без этого, ясное дело, о какой любви может идти речь?

— Саруг!

— Ладно, ладно, не кипятись, — гном отхлебнул чаю. — Просто мне кажется, или ты ищешь не подходящую ему, а... недостаточно хорошую для него?

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неудобные. Эмма открыла рот, чтобы возразить, но не нашла слов. Она снова потянулась к фолианту, чтобы за чем-то спрятаться.

— Может, стоит начать не с анкет, а с него самого? — предложил Саруг мягче. — Спросить, что он хочет? А то ведь можно найти идеальную по бумагам пару, а сердца и не дрогнут. Ты же лучше других это знаешь.

Он был прав. Она знала. Сколько раз она видела алые нити, соединяющие людей, которые на бумаге были полными противоположностями. Дар показывал истину, а не логические построения.

— Я... я попробую поговорить с ним, — неохотно согласилась Эмма.

— Вот и славно, — удовлетворённо хмыкнул гном. — А то я уже боялся, ты всем этим поиском забудешь про нашего таинственного «В.Н.» с его белой орхидеей. Кстати, она всё ещё там. Никто не приходил.

Эмма взглянула в витрину. Белый цветок стоял, безмятежный и холодный. Загадка, которая ждала своего часа. И почему-то это ожидание казалось сейчас проще, чем поиск незнакомки для человека, которого, как вдруг осознала Эмма, она знала лучше всех на свете. И от этой мысли стало одновременно тепло и не по себе.

— Спасибо за чай, Саруг, — тихо сказала она.

— Не за что, дитя, — гном забрал поднос и заковылял к кухне, на прощание бросив через плечо: — И брось мучить книгу. Сердца, даже самые близкие, в каталогах не водятся. Их нужно слушать. Хоть иногда.

Дверь на кухню закрылась. Эмма осталась одна в тишине опустевшего агентства. Она не стала открывать фолиант снова. Вместо этого она уставилась на пустую стену перед собой, мысленно рисуя образ улыбающегося Бастиана. И впервые задала себе не профессиональный, а личный, пугающий вопрос: «А кто, по-моему, достоин его?»

Ответа у неё не было. Только тихое, настойчивое беспокойство, поселившееся где-то под сердцем, похожее на ту самую алую нить, которую она никак не могла увидеть у себя на запястье.

Глава 3

Дождь, начавшийся три дня назад, не просто шёл — он утвердился в Междумирье, как незванный, властный правитель. Он не стучал, а барабанил по крыше дома-путешественника, превращая мир за окнами в слепое, дрожащее полотно, где сливались воедино небо, земля и редкие огни чужих окон. Влажный холод просачивался сквозь стены, пропитывал воздух запахом мокрого камня, старого дерева и какой-то первобытной тоски. В камине агентства «Купидон» потрескивали поленья — Саруг, ворча на сырость, костлявыми гномьими пальцами разжёл огонь ещё на рассвете, но пламя, казалось, боролось не с холодом, а с самой всепроникающей сыростью, отвоевывая лишь маленький островок хрупкого тепла и света.

Эмма сидела за своим рабочим столом, но работа не шла. Перед ней лежал чистый лист дорогой, кремовой бумаги, на который она уже больше часа безуспешно пыталась перенести чёткий, деловой план действий. Вместо списка критериев или графика встреч получались лишь нервные завитушки, бессмысленные геометрические фигуры и одно слово, выведенное снова и снова с разным нажимом: «Критерии?» Оно смотрело на неё с насмешкой. В ушах, заглушая рокот дождя, назойливо звенел голос Саруга: «Спросить, что он хочет». Звучало дико просто. И было невыполнимо, как полёт без крыльев. Как увидеть свою собственную нить. Она боялась этого разговора больше, чем потенциальной ловушки от таинственного «В.Н.».

Звонок дверного колокольчика, обычно такой звонкий, в этот раз прозвучал приглушённо, утопая в шуме ливня, но для Эммы он грохнул, как выстрел. Она вздрогнула, и кончик пера оставил на бумаге безобразную кляксу. В распахнутой двери, залитый потоками воды, стоял Бастиан. Он не бежал от дождя, а шёл сквозь него — медленно, с трудом, будто каждое движение давалось ценой невероятных усилий. Вода стекала с его темного плаща тяжёлыми, мутными каплями, образуя сразу же лужу на пороге. Лицо его, обычно оживлённое улыбкой или сосредоточенной мыслью, было землисто-бледным, как пергамент старой книги. Под глазами залегли глубокие, синеватые тени, придавая взгляду непривычную, почти болезненную остроту. Он выглядел не просто промокшим — он выглядел размытым, словно дождь пытался стереть его с лица этого мира.

— Надеюсь, у тебя в запасе есть не только чай, но и целая кадка, — его голос прозвучал хрипло, сорвавшись на полуслове в короткий, сухой кашель. Он попытался улыбнуться, но получилась лишь жалкая гримаса, искажившая измождённые черты. — Кажется, я приволок с собой не половину, а всю местную реку. Впридачу с илом и, возможно, парой недовольных речных духов.

— Боже правый, Бастиан! — вырвалось у Эммы, и она вскочила, забыв про кляксу и бумаги. Тревога, острая и щемящая, мгновенно смела все её предыдущие сомнения. — Что случилось? Ты выглядишь ужасно!

— Спасибо за комплимент, — он отшутился, с трудом высвобождаясь из мокрого плаща, который с громким шлепком упал на пол. Под ним оказалась такая же промокшая насквозь одежда. — Ничего страшного. Дело. В мире Теней. Клиент... — он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху, — оказался гораздо сложнее и коварнее, чем я ожидал. Всё кончилось благополучно. В смысле, я живой, он — довольный, а моя репутация, возможно, слегка подмочена. Как и я весь.

Он подошёл к камину, почти шатаясь от усталости, и протянул к огню ладони. Пальцы его дрожали — от холода или от перенапряжения, Эмма не могла понять. Пламя высвечивало резкие, уставшие черты его лица, подчёркивало влажные пряди тёмных волос, прилипшие ко лбу и вискам. В его позе, в том, как он сутулился, отдаваясь теплу, было что-то беззащитное и бесконечно далёкое от привычного уверенного друга. Эмма, не говоря ни слова, схватила со стола толстое шерстяное одеяло, которое Саруг всегда держал на случай сквозняков, и наки-

нула его Бастиану на плечи. Потом налила чаю из стоявшего на жаровне потемневшего медного горшочка, добавила две ложки мёда — он всегда любил слаще — и щедрую щепотку имбиря, согревающего.

— Держи, — её голос прозвучал тише, чем она хотела. Она протянула ему тяжелую глиняную кружку, и их пальцы соприкоснулись. Его кожа была ледяной, как утопленника.

— Спасибо, — он прошептал, обхватывая чашку дрожащими руками, будто это был единственный источник тепла во вселенной. Он сделал маленький, осторожный глоток, закрыл глаза, и по его лицу пробежала судорога облегчения. — Тишина. Тепло. Райское блаженство после того ада.

Эмма присела в соседнее кресло, подтянув ноги под себя. Она не сводила с него глаз, изучая каждую новую деталь его состояния: мелкую дрожь в уголке рта, непривычную молчаливость, тень, которая, казалось, не просто легла под глазами, а поселилась в их глубине. «Мир Теней» — даже название звучало зловеще. Она знала, что там работали с памятью, страхами, иллюзиями. Что там могло с ним случиться?

— Никаких вестей от нашего подводного поклонника? — наконец спросил он, не открывая глаз, голос его стал чуть ровнее, но невероятно усталым.

— Никаких, — Эмма покачала головой, хотя он этого не видел. — Орхидея цветёт, мы ждём. Это... это не важно сейчас. Бастиан, ты уверен, что с тобой всё в порядке? Ты выглядишь так, будто...

— Будто встретился с призраком собственных глупых надежд? — он закончил за неё, и снова эта горькая, невесёлая усмешка тронула его губы. Он открыл глаза и посмотрел на огонь. — Не беспокойся. Просто вымотался. И вымок. Физически и морально. А когда морально вымокнешь, начинаешь особенно остро чувствовать пустоту вокруг. Знаешь, как в пустом зале после концерта — тихо, холодно, и только эхо от собственных шагов.

Он говорил не для неё. Он говорил в пламя, изливая усталость словами. И в этих словах, в этой «пустоте», снова прозвучало то, что Эмма с таким трудом собиралась обсудить. Её сердце забилося чаще. Повод, уродливый и печальный, но повод, висел в воздухе, смешавшись с паром от чая и запахом мокрой шерсти.

— О пустоте... — начала она, и собственный голос показался ей чужим, слишком громким в этой интимной тишине у камина. Она сглотнула комок, который вдруг подкатил к горлу, заставила себя продолжать, натягивая на лицо маску деловой озабоченности, как доспехи. — Мы... мы говорили об этом. Недавно. О твоём... одиночестве.

Он медленно повернул к ней голову. В карих глазах, отражавших прыгающие язычки пламени, не было ни настороженности, ни ожидания. Была лишь глубокая, бездонная усталость и — где-то на самом дне — тень того вопроса, который он, кажется, уже перестал задавать.

— Говорили, — согласился он нейтрально. — Я шутил. Ты отшучивалась. Так у нас заведено.

— Я не отшучивалась, — возразила Эмма, и её «деловой» тон дал трещину. — Я слушала. И я... я просматривала базу. Нашего агентства.

Теперь в его взгляде что-то дрогнуло. Усталость отступила на секунду, уступив место чему-то более острому, более живому — может быть, боли, может быть, надежде, которую тут же старательно погасил. Он отпил чаю, выигрывая время.

— И что, нашла в своих картотеках специальный раздел «Для безнадежных, вечно промокших сыщиков с подпорченной репутацией»? — спросил он, но старая шутка прозвучала мертво, как заученная фраза на забытом языке. В ней не было ни искры, ни тепла.

— Бастиан, пожалуйста, — её голос дрогнул. Она ненавидела себя за эту слабость, за то, что не может говорить об этом легко, как он всегда умел. — Я говорю серьёзно. Ты мой лучший друг. Самый близкий человек. И я вижу, как это... как это тебя съедает изнутри. Эта тоска. Я думаю... я уверена, что тебе стоит попробовать. По-настоящему попробовать найти

кого-то. Не шутить, а искать. А я... я могу помочь. У меня есть ресурсы. Опыт. И... дар. Я могу сделать это хорошо. Как профессионал. И... — она сделала паузу, выдохнула, — и как друг. Я хочу помочь тебе, как другу.

Она выпалила это всё на одном дыхании, как оправдание перед судом. И замолчала, сжимая в кулаках складки своего платья, боясь посмотреть на него, боясь увидеть в его глазах насмешку, раздражение или, что было бы страшнее всего, благодарность.

Наступила тишина. Но это была не прежняя, уютная тишина взаимопонимания. Это была тяжёлая, гулкая тишина заполненного ожиданием пространства между двумя людьми, где слова, только что сказанные, начинали обретать свой истинный, необратимый вес. Треск поленьев казался оглушительным. Ветер в печной трубе выл протяжно и одиноко.

Бастиан медленно, с преувеличенной аккуратностью, поставил кружку на грубую каменную полку камина. Звук глины о камень был сухим, окончательным, словно ставка в давно идущей игре была наконец сделана.

Он повернулся к ней всем телом, откинув с плеч одеяло. На его лице, освещённом теперь не только огнём, но и холодным серым светом из окна, играла улыбка. Но какая улыбка! Кривая, напряжённая, поднявшая только один уголок губ и совершенно не коснувшаяся глаз. В глазах оставалась только та самая, леденящая пустота.

— «Услуга друга», — произнёс он тихо, нарочито чётко выговаривая каждый слог, словно пробуя эту фразу на вкус и находя её отталкивающе сладкой, фальшивой. — Какая практичная формулировка, Эмма. Рационально. Эффективно. Берём проблему — в данном случае, меня — и применяем профессиональный инструментарий. Я должен быть польщён. Ко мне подходят с таким же тщанием, как к поиску потерянной фамильной реликвии или составлению договора между мирами.

— Это не так! — вырвалось у неё, но он поднял руку, резким жестом останавливая её. Его улыбка не дрогнула, она стала лишь более острой, более язвительной.

— О, это именно так, — парировал он, и его голос приобрёл ровные, почти бесстрастные интонации, которые пугали её больше любого крика. — И знаешь что? Ты права. Абсолютно, на сто процентов права. Зачем ходить кругами, строить из себя романтика, надеяться на чудо? Ты — лучшая. У тебя есть магический дар, позволяющий видеть то, что скрыто. У тебя есть каталоги, анкеты, статистика. Это самый логичный выход. Самое разумное решение. Я — клиент. Ты — специалист. Мы заключаем негласный договор. Я предоставляю себя в качестве материала, ты — свой экспертиз. Эффективность и результат.

Он говорил ровно, отстранённо, как если бы докладывал о результатах безликого расследования. И каждое слово, каждое это «логично», «разумно», «эффективно» било по Эмме с такой силой, что у неё перехватывало дыхание. Она хотела крикнуть, чтобы он остановился, хотела взять свои слова назад, сказать, что всё это была ужасная ошибка, что Саруг прав, что нужно было просто молчать или сказать что-то настоящее, человеческое... Но язык прилип к нёбу. Она могла только смотреть на него, на эту горькую маску, которую он теперь носил, и чувствовать, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный комок.

— Так что... да, — заключил он, внезапно оборвав свой монолог и снова отворачиваясь к огню. Его профиль на фоне пламени казался высеченным из тёмного, непроницаемого камня. — Почему бы и нет? Действуй. Составь список, отбери лучших кандидаток согласно твоим профессиональным критериям. Назначь время и место. Я явлюсь. Буду вежлив. Обаятелен, насколько это возможно в моём состоянии. Открыт для... новых возможностей. — Он бросил взгляд на окно, на стекающие по стеклу потоки. — Может, ты права, и мне пора. Пора перестать быть проблемой, которую друзья пытаются решить за чашкой чая.

Фраза «мне пора» повисла в воздухе, не как надежда, а как приговор, как окончание долгого и мучительного ожидания. В ней не было ничего, кроме покорного, усталого принятия. Как будто он соглашался на ампутацию, потому что уже устал от боли.

— Я... я не хотела, чтобы это прозвучало так... так холодно, — прошептала Эмма, и её собственный голос показался ей детским, жалким. — Я не хочу, чтобы ты думал, что я... что я просто хочу от тебя избавиться.

При этих словах он вздрогнул, всем телом, как от удара. Но когда он снова посмотрел на неё, в его глазах не было гнева. Была лишь та самая, леденящая пустота и что-то похожее на жалость. К ней? К себе? Она не могла понять.

— О чём ты, Эмма? — спросил он мягко, слишком мягко. — Ты предлагаешь помощь. Бескорыстную, дружескую помощь. Я её принимаю. Всё честно. Всё правильно. Мы же друзья, верно?

Он произнёс это слово — «друзья» — таким тоном, что оно обожгло её, как раскалённое железо. В нём было столько боли, столько прощания с чем-то неназванным, что у неё перед глазами поплыли круги.

— Да, — выдохнула она, не в силах произнести больше ни звука. — Друзья.

— Отлично, — кивнул он, и в его движениях вновь появилась деловитая резкость, словно он торопился покинуть поле боя, где уже проиграл, даже не вступив в схватку. — Тогда я полагаюсь на твой профессионализм. Держи меня в курсе. С первыми кандидатками. Я... я сейчас довольно свободен. Дела, как видишь, не слишком процветают.

Он наклонился, поднял свой мокрый, грязный плащ с пола. Не надевая, перекинул его через руку. Капли воды закапали на пол, отмеряя секунды этого невыносимого прощания.

— Мне нужно... переодеться. И выспаться, наверное. Спасибо. За чай. И... за заботу, Эм. Искренне.

И он ушёл. Не обернувшись, не бросив прощальной шутки о дожде, не пожав плечами с привычной небрежностью. Он просто вышел, растворившись в серой, водяной пелене за дверью, которая захлопнулась с тихим, но безжалостно окончательным щелчком.

Эмма осталась сидеть у огня. Тепло, которое ещё недавно казалось таким уютным, теперь не могло прогнать ледяной холод, подступивший изнутри и сковавший каждую кость, каждую мышцу. Она смотрела на пустую кружку Бастиана на каминной полке. От неё всё ещё, казалось, веяло холодом его пальцев и горечью невысказанных слов. На полу темнело влажное пятно от его плаща — призрачный след, который скоро высохнет и исчезнет, как и всё остальное.

«Почему бы и нет? Может, мне пора».

Её собственная идея, её благородный порыв «помочь другу» обернулся чудовищной, ранящей глупостью. Она добилась формального согласия, ясной договорённости. И теперь чувствовала себя не свахой, а палачом, собственными руками затянувшим петлю на чём-то живом, хрупком и бесконечно дорогом. А за окном, в витрине, белая орхидея, присланная незнакомцем, безмятежно ловила угасающий свет хмурого дня, напоминая, что в её жизни и без того хватало чужих тайн и опасностей. Самую же страшную и нелепую тайну она только что создала сама, в своём собственном сердце, и теперь не знала, как с ней жить.

Глава 4

Решение о первой кандидатке Эмма принимала, словно планировала стратегическую операцию, а не свидание друга. Она перебрала десятки анкет, отбрасывая их с какой-то новой, почти болезненной придирчивостью. Одни были «слишком яркими», другие — «недостаточно умными», третьи — «с потенциально сложным характером». В итоге выбор пал на Лорелею из Флории, мира вечного цветения. В анкете значилось: «Ищет глубокого, духовного союза. Увлечена эмоциональной ботаникой — искусством выращивания растений, откликающихся на ауру и настроение владельца». Эмма прочла это как «чувствительная, тонкая натура, ценитель красоты и гармонии». Идеальный контраст, казалось бы, для Бастиана с его сыскной грубоватостью и скрытой, как она думала, усталостью.

Она назначила встречу в «Солнечном клочке» — кафе в карманном мире-курорте, где климатологи-маги поддерживали вечную, безупречную, чуть прохладную весну. Здесь всегда светило мягкое солнце, дул лёгкий ветерок, пахло гиацинтами и свежей выпечкой. Всё было безопасно, чисто и бездушно. Идеальный фон для первой, осторожной пробы.

Эмма прибыла за час. Она выбрала столик внутри залы, у огромного панорамного окна, выходявшего на террасу, где и должна была состояться встреча. Столик был скрыт высокой спинкой банкетки и кадкой с миниатюрными лимонными деревьями. Идеальная позиция для наблюдения. Перед ней лежал блокнот с якобы важными записями по делу «В.Н.», перо и недопитая чашка холодного чая. Она не могла заставить себя есть.

За полчаса до назначенного времени она увидела, как на террасе появилась Лорелея. Девушка была воплощением флорианской эстетики: платье цвета перванш, словно сотканное из утреннего неба, волосы, уложенные в сложную, лёгкую как пух причёску, украшенную живыми, крошечными белыми цветами, которые, казалось, ещё дрожали от росы. Её движения были плавными, грациозными, а взгляд блуждал по округе с мягким, немного отстранённым любопытством. Она выбрала столик у перил, откуда открывался вид на искусственный ручей, и села, выпрямив спину, как на королевском приёме.

«Она красива», — констатировал внутренний голос Эммы, и эта мысль уколола её, как шип. — «И она знает об этом. Всё в ней выверено, как в её цветниках».

Потом появился Бастиан. Эмма едва не вдохнула воздух. Он пришёл минута в минуту, что уже было необычно — он часто опаздывал на пару минут, ссылаясь на «сыскные обстоятельства». Он был... другим. Его тёмные волосы, обычно слегка взъерошенные ветром или задумчивой рукой, были аккуратно уложены. На нём был тот самый тёмно-синий, почти чёрный камзол из тонкой шерсти, который он надевал раз в год, на самое ненавистное ему официальное мероприятие — ежегодный банкет гильдии сыщиков. Он был вычищен, выглажен, начищен. И абсолютно неживой. Его лицо было маской вежливой предупредительности. Ни тени привычной иронии в уголках губ, ни задумчивой морщинки между бровями. Он был похож на очень качественный портрет самого себя.

Эмма сжала руки под столом так, что костяшки побелели.

Он подошёл, поклонился — не свойственным ему легким кивком, а именно небольшим, корректным поклоном, — и сел. Начался разговор. Эмма не слышала слов, но видела мимику. Лорелея что-то говорила, и её лицо озарялось улыбкой. Не теплой, а демонстративной, словно она включала некий внутренний фонарик. Её смех, долетевший сквозь стекло, был высоким, мелодичным, искусно модулированным. Он звучал как звон хрустальных колокольчиков — прекрасно, но без души.

И этот смех раздавался. Слишком. Часто.

Эмма следила за каждым её жестом: как она поправляла идеальную прядь, как легонько касалась мочки уха, украшенной жемчужиной, как наклонялась вперёд, демонстрируя изгиб

шеи. Каждое движение было будто отрепетировано. А её взгляд... её взгляд скользил по лицу Бастиана, по его одежде, по его рукам, лежавшим на столе. Это был не заинтересованный, изучающий взгляд. Это был оценивающий взгляд коллекционера, рассматривающего потенциальный новый экспонат для своей гостиной.

«Она видит в нем аксессуар», — пронеслось в голове у Эммы, и это осознание вызвало прилив такой яростной, несправедливой злости, что ей стало жарко. — «Красивый, стильный, немного брутальный аксессуар, который будет хорошо смотреться рядом с её драгоценностями и говорящими розами. Она не видит его. Она видит картинку».

А Бастиан... Бастиан был безупречен. Он кивал в такт её словам, его губы изредка растягивались в ту самую, правильную, беззубую улыбку, которая не достигала глаз. Он отвечал коротко, вежливо. Ни одного саркастического замечания, ни одной самоироничной шутки, ни одного движения, которое выдавало бы его истинное «я» — того парня, который мог закатить глаза на пафос, расстегнуть воротник камзола через пять минут и начать строить из салфеток сложные origami от скуки.

Он играл роль. Роль, которую она, Эмма, для него написала: роль заинтересованного, доступного холостяка. И он играл её с пугающей, механической точностью.

Когда Лорелея, хихикая над какой-то своей шуткой (Эмма видела, как Бастиан даже не дрогнул), «случайно» коснулась кончиками пальцев его руки, лежавшей на столе, Эмма почувствовала, как что-то внутри неё рвётся. Она ждала, что он отдернет руку, сделает то самое микро-движение — легкое вздрагивание, почти незаметное отстранивание, — которое всегда выдавало его дискомфорт от нежеланного вторжения в личное пространство. Но нет. Он лишь на мгновение опустил взгляд на её пальцы, а потом так же плавно, без эмоций, убрал руку под стол, продолжая слушать её болтовню о капризности лунных лилий и их реакции на ложь.

Это было хуже, чем если бы он вздрогнул. Эта холодная, расчётливая корректность была страшнее. Это означало, что он настолько отключился, настолько загнал себя в рамки этой роли, что даже инстинктивные реакции подавил.

Внезапно, посреди очередного ручья флорианских метафор, Бастиан поднял голову и взглянул прямо на окно. Прямо на неё. Их взгляды встретились через стекло, сквозь барьер искусственной весны и её собственного предательства. В его глазах не было ни укора, ни вопроса, ни даже удивления. Они были пусты. Плоскими, как поверхность озера в безветренный день. Он смотрел на неё, словно на часть интерьера — на ту самую кадку с лимонным деревом.

Этот взгляд пронзил её ледяной иглой. Эмма отпрянула так резко, что задела локтем чашку. Остатки холодного чая расплылись по дереву стола, заливая её бесполезные заметки. Она не стала ничего вытирать. Схватив блокнот, она сунула его в сумку, бросила на стол монету, которой с лихвой хватило бы на оплату чая и ущерба, и почти побежала к выходу, не оглядываясь. Ей нужно было бежать. От этого места, от этого зрелища, от пустоты в его глазах, которую она сама и создала.

Весь оставшийся день в агентстве «Купидон» царил гнетущая тишина. Саруг, видя её бледное, замкнутое лицо, лишь хмурился и громче ворчал на кочергу у камина. Эмма устроила настоящий разгром в архиве. Она вытащила папку Лорелеи и устроила ей безжалостный, пристрастный суд. «Поверхностна!», «Слишком озабочена внешним эффектом!», «Её интересы примитивны и эгоцентричны!», «Она никогда не поймёт его работу, его юмор, его тьму!» Она писала эти «заключения» на полях анкеты, пока перо не стало царапать бумагу. Но даже яростное осуждение кандидатки не могло смыть с души тягостный осадок. Она не разозлилась на Лорелею. Она разозлилась на саму себя за то, что подвергла Бастиана этому. И за ту дикую, иррациональную вспышку ревности, которую она ощутила. Ревности? Нет, конечно. Это была профессиональная... нет, дружеская обеспокоенность. Да.

Глава 5

После фальшивой весны и кристального смеха Эмма решила сменить тактику. Если первая кандидатка была пуста, то вторая будет полна. Она выбрала Вивиан, архивариуса из высокогорного Мира Свитков, места, где воздух был разрежен, а разговоры — насыщены смыслом. В анкете Вивиан писала: «Ищу собеседника, способного оценить сложность мысли. Увлечена древней магической криптографией и семиотикой заклинательных жестов. Не терплю праздной болтовни». Эмма подумала: «Она умна. Глубока. Она заставит его думать, а не просто улыбаться. Она увидит в нём интеллект, а не просто картинку».

Местом встречи стала Галерея Отзвучавших Шёпотов — огромная, сводчатая библиотека в нейтральной зоне, где звук гасился специальными чарами, и даже шёпот был слышен лишь на расстоянии вытянутой руки. Здесь царила торжественная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь скрипом пергамента и скрежетом тележек. Эмма чувствовала себя здесь как дома — в тишине её собственных мыслей, ставших в последнее время невыносимо громкими.

На этот раз она устроилась не вдалеке, а почти по-соседству. В соседнем ряду высоких, дубовых стеллажей, заваленных фолиантами в потрёпанных кожаных переплётках. Она взяла с полки первый попавшийся том — трактат о миграции подземных духов — и притворилась увлечённой чтением. Отсюда она могла слышать.

Вивиан появилась первой. Она была одета в простое, серое платье без украшений, её волосы были туго стянуты в пучок, открывая высокий, интеллектуальный лоб. Лицо её было бледным, почти бескровным, а глаза за очками в тонкой металлической оправе смотрели на мир с холодной, аналитической ясностью. Она сидела неподвижно, положив на стол перед собой блокнот и заточенное перо.

Бастиан пришёл снова вовремя. На нём был его обычный, слегка помятый рабочий жакет. Он выглядел менее отполированным, но и менее живым, чем в обычные дни. Усталость, не смытая с прошлой встречи, легла под его глазами более тёмными кругами. Он кивнул Вивиан, сел, и она без преамбул начала говорить.

Её голос был ровным, монотонным, безупречно выстроенным. Она говорила о различиях диатонических и хроматических шифров в эпоху Правления Семи, о влиянии лунных фаз на дешифровку рунических заклинаний четвёртого уровня, о методологических ошибках в трактовке манускриптов школы Астрального Кодирования. Это был не диалог, а лекция. Блестящая, эрудированная, смертельно скучная для любого, кто не жил этим с пелёнок.

И сначала Эмма увидела в Бастиане проблеск. Его взгляд, до этого тусклый, на секунду сфокусировался. Он задал вопрос. Короткий, технический, по существу. Вивиан ответила, и в её глазах на мгновение мелькнуло нечто похожее на уважение. Казалось, контакт наконец-то налажен! Эмма почувствовала странное, противоречивое облегчение, смешанное с новой, щемящей болью. Он оживился с ней. С этой ледяной, бездушной...

Но по мере того как монолог Вивиан продолжался, проблеск в глазах Бастиана угас. Он не смотрел на неё. Он смотрел сквозь неё, на ряды древних книг за её спиной. Его взгляд блуждал по корешкам, по паутине в углу свода, по пылинкам, танцующим в луче света из высокого окна. Он кивал, иногда задавая ещё один автоматический вопрос, но его вовлечённость была призрачной. Он был как сложная машина, которая корректно обрабатывала входящие данные, но не испытывала к ним ни малейшего интереса.

Вивиан, закончив раздел о криптографическом значении интервалов в древних музыкальных нотациях, сделала паузу. Она сняла очки, протерла линзы краем платка и, глядя уже без стеклянной преграды на Бастиана, спросила что-то другим тоном. Более тихим, почти человеческим. Эмма не разобрала слов, но увидела, как Бастиан замер. Не так, как с Лорелеей — не физически, а внутренне. Казалось, его мысли, блуждавшие где-то далеко, с трудом верну-

лись в тело. Он медленно перевёл взгляд на Вивиан, и на его лице появилось выражение не то чтобы растерянности, а... отчуждённости. Как будто его спросили на языке, который он когда-то знал, но давно забыл.

Он что-то ответил. Коротко. Сухо. Что-то вроде: «Это интересный вопрос. Но, пожалуй, не в моей компетенции». Его голос звучал плоско. Вивиан кивнула, не разочарованно, а скорее с удовлетворением учёного, получившего ожидаемый, пусть и неинтересный, результат. Она снова надела очки и вернулась к манускриптам.

«Она видит в нём источник информации. Коллегу по решению головоломки. Инструмент», — снова заговорил в голове Эммы тот же язвительный внутренний голос. — «Ей не нужен он — его смех, его внезапные вспышки гнева или нежности, его упрямство, его преданность. Ей нужен его интеллект, его способность к анализу. И даже это она ценит лишь постольку, поскольку это применимо к её узкой области. Она не видит человека. Она видит функционал».

И эта мысль злила Эмму ещё больше, чем легкомыслие Лорелеи. Лорелея хотя бы замечала его как мужчину, пусть и как безделушку. Вивиан же, казалось, не подозревала о существовании у него пола, сердца или души. Он был для ней набором нейронов определённой конфигурации. И Эмма поймала себя на ужасной мысли: она почти предпочла бы первую. Почти.

Уходя из галереи, её ноги были ватными. Она не чувствовала триумфа от того, что вторая кандидатка тоже «провалилась». Она чувствовала лишь нарастающую панику. Она оценивала их не по объективным критериям совместимости, а по какому-то своему, смутному, невысказанному эталону. И все они его не достигали. Но что это был за эталон? Чего она от них хотела? Чтобы они увидели его? А что, собственно, она в нём видела такого, чего не видели они?

Глава 6

После ледяной логики Вивиан Эмму потянуло на что-то горячее, настоящее, неискusstvenное. Почти в отместку самой себе, в наказание за свои неясные чувства, она выбрала Зару. Вольная наездница из степных миров Аргана, дочь кочевого вождя. В анкете было написано крупным, размашистым почерком: «Ищу мужчину силы и воли. Того, кто не боится ветра в лицо и может защитить своё. Умею скакать без седла, стрелять из лука на полном скаку и варить кофе на углях. Не терплю слабости и нерешительности».

Это был полный антипод всему предыдущему. Грубая сила. Примитивная страсть. Жизнь без сложных шифров и капризных цветов. Эмма почти с вызовом назначила встречу в таверне «Блуждающий огонь» на нейтральной перевальной станции. Это место было легендой: шумное, дымное, полное контрабандистов, искателей приключений и прочего сброда. Здесь подавали обжигающую острую похлёбку «Драконья желчь», пиво было кислым, а музыка — громкой и ритмичной. Здесь было настоящее.

Эмма на этот раз почти не маскировалась. Она надела темный плащ с капюшоном и устроилась в самом тёмном, закопчённом углу, за столом, где свет масляной лампы едва достигал. Предлог для Бастиана был сформулирован наиболее правдоподобно: «Её племени угрожает клан рейдеров, маскирующихся под торговцев. Ей нужен совет опытного сыщика, но она не доверяет официальным лицам. Выслушай её, оцени обстановку».

Зара появилась, как буря. Она вошла не в дверь, а буквально ворвалась, отбросив створку так, что та грохнула о стену. Она была высока, строена, одета в практичные кожаные штаны, сапоги по колено и тунику из грубой ткани, расшитую простыми, но яркими узорами. Её тёмные, как вороново крыло, волосы были заплетены в десяток мелких, тугих косичек, собранных на затылке. Лицо её было смуглым, глаза — чёрными, горящими, как угли. Она окинула зал одним властным взглядом, увидела заказанный ею столик и направилась к нему, её походка была широкой, уверенной, бесцеремонной. Она занимала пространство.

Эмма почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это была не Лорелея и не Вивиан. Это была сила природы.

Бастиан пришёл с небольшим опозданием, выглядел уставшим до изнеможения. На нём была его повседневная, потрёпанная полевая куртка. Он увидел Зару, и что-то мелькнуло в его глазах — не интерес, а настороженность. Как у зверя, учуявшего другого, более крупного хищника.

Они сели. И с первых же секунд Зара взяла инициативу. Она не ждала вопросов. Она говорила громко, хрипловатым, низким голосом, жестикулируя широко, размашисто. Она рассказывала о набегах, о погонях по степям, о стычках. Её смех был громким, горловым, заразительным и немного пугающим. Он гремел, как гром, заглушая музыку и гул голосов.

И главное — она сокращала дистанцию. Физически. Она пододвигалась ближе, чтобы её было лучше слышно. Она клала руку ему на предплечье, чтобы подчеркнуть мысль. Её взгляд, прямой, бездонно-тёмный, не отрывался от его лица, изучая, оценивая, желая. В её поведении не было ни капли кокетства или игры. Была откровенная, животная заинтересованность. Она видела в нём самца. И сама вела себя как самка, выбирающая самого сильного.

И впервые за все три встречи Эмма увидела в Бастиане не маску, не вежливую отстранённость, а настоящую, живую реакцию. Но это была реакция дискомфорта. Чистого, первобытного, инстинктивного дискомфорта. Он не просто отстранялся — он слегка отшатывался каждый раз, когда она вторгалась в его пространство. Его улыбки были не просто напряжёнными — они были оскалами. Он пил своё пиво большими глотками, не для удовольствия, а как лекарство. Его взгляд метался по залу, выискивая выходы, оценивая расстояния, будто он был на задании в опасной зоне, а не на свидании.

Зара, казалось, принимала это за игру, за вызов. Её глаза загорались ещё ярче. Она наступала, он отступал. Для неё это был танец. Для него — осада.

Эмма сидела в своём углу, и её охватывали противоречивые волны чувств. Сначала — леденящий ужас. Эта женщина пугала её своей силой, своей безудержностью. Она могла сломать его. Своей грубостью, своим напором. Потом — дикое, неконтролируемое возмущение. Как она смеет?! Как смеет прикасаться к нему таким образом, смотреть на него с таким... аппетитом! Это было непристойно! Это было осквернение того хрупкого, нежного образа, который Эмма хранила в глубине души (образ, который она сама же и пыталась разрушить, устраивая эти встречи).

И наконец, когда Зара, рассказывая что-то об одном особенно дерзком набеге, положила руку ему на предплечье и оставила её там, пальцы её слегка сжали его мышцу, Эмму охватила чистая, белая ярость. Она замерла, не дыша, ожидая его реакции.

Бастиан посмотрел на эту руку. Он смотрел на неё долго, секунду, которая показалась вечностью. Потом он медленно, невероятно медленно поднял голову и посмотрел Заре прямо в глаза. И в его взгляде не было ни страха, ни замешательства. Была холодная, стальная твёрдость. Та самая твёрдость, которую Эмма видела, когда он имел дело с предателями или особенно опасными противниками.

Он поднял свою свободную руку и очень чётко, без резкости, но с недвусмысленной силой, снял её руку со своего предплечья. Он не оттолкнул, а именно снял, как снимают со стола ненужный предмет.

— Извините, — сказал он, и его голос, наконец, приобрёл знакомые ей нотки — не шуточные, не усталые, а низкие, ровные, не терпящие возражений. — Мне кажется, мы отклонились от темы вашей проблемы. Я выслушал ситуацию. Мой совет: обратитесь к регулярным патрулям Гильдии наёмников на перевале Трёх Скал. Они берут плату золотом, но держат слово. А что касается всего остального... — он сделал крошечную паузу, и в его глазах вспыхнула та самая, горькая искра, которую Эмма не видела со времён их разговора у камина, — ... я не тот, кого вы ищете. Уверяю вас.

Он встал. Кивнул коротко, как солдат. Бросил на стол несколько монет, с лихвой покрывавших счёт, и ушёл. Не оглядываясь. Его спина была прямой, плечи — отведёнными назад. Он уходил не как побеждённый, а как человек, покидающий поле боя, на которое ему и не следовало выходить.

Зара сначала опешила. Её брови взметнулись вверх. Потом её губы растянулись в ухмылке — не обиженной, а скорее удивлённой и даже заинтригованной. Она пожала плечами, как бы говоря «твоя потеря», отхлебнула из своей кружки и снова погрузилась в наблюдение за залом, уже ища новую цель.

А Эмма... Эмма выскочила из таверны, её душили спазмы какого-то истерического, половинчатого чувства. Часть её ликовала, крича внутри: «Он её оттолкнул! Он не позволил! Он сказал «нет»!». Это был дикий, примитивный триумф. Но другая, более честная и потому более страшная часть, шептала ей в самое ухо: «Ты видела его лицо? Ему было плохо. Ему было физически неприятно. И это ты свела его с женщиной, которая вызывает у него такую реакцию. Ты, его лучший друг, подвергла его этому. Ты устроила этот унижительный цирк, где его рассматривали, оценивали и в конечном итоге пытались взять штурмом».

Она бежала по темным улицам, не чувствуя под ногами земли, пока не уперлась в знакомую дверь с вывеской «Купидон». Саруг, как будто чувствовал её приближение, уже стоял на пороге. Он взглянул на её бледное, искажённое внутренней бурей лицо, на широко раскрытые, полные ужаса и прозрения глаза, и не стал задавать глупых вопросов. Он просто вздохнул, пропуская её внутрь, в тепло и уют, которые теперь казались ей такими фальшивыми.

— Ну что, — спросил он тихо, когда она остановилась посреди гостиной, обхватив себя за плечи, будто пытаясь удержать от распада. — Нашла среди них ту, что достойна его света? Ту, что разглядит за сыщиком и магом — просто человека?

Эмма замерла. Вопрос повис в воздухе, огромный, неумолимый и страшный в своей простоте. Она медленно, будто против своей воли, подняла руку и прижала ладонь к груди, к тому месту, где сердце колотилось, как птица в клетке, пытаясь вырваться.

— Нет, — выдохнула она, и её голос был тихим, полным изумления перед собственным открытием. — Нет, Саруг. Все они... Лорелея видела украшение. Вивиан — процессор. Зара — трофей. Они все... все не видят его. Настоящего. Того, кто... кто смеётся, когда у него получается сложное заклинание с первой попытки. Кто ворчит на дождь, но любит гулять в него. Кто помнит, как моя мама готовила оладьи... Кто... — голос её сорвался.

— А кто видит? — так же мягко, но неумолимо спросил гном, подходя ближе и глядя на неё своими старыми, всевидящими глазами.

Эмма закрыла глаза. Перед её внутренним взором всплыло лицо Бастиана — не маска с искусственной весны, не отстранённый профиль в библиотеке, не оскал в таверне. А его настоящее лицо. Усталое, остроумное, доброе, преданное. Лицо человека, который был её якорем, её тылом, её... всем.

Она открыла глаза. В них стояли слёзы, но сквозь них пробивалось нечто новое — осознание, мучительное и освобождающее одновременно.

— Я, — прошептала она, и это было не признание, а констатация давно известного, но отрицаемого факта. — Видит только я.

И в этот момент пазл сложился. Её раздражение, её ярость, её леденящий ужас при виде чужих прикосновений и взглядов — это не была профессиональная ревность. Это не была дружеская забота. Это была та самая, дикая, неконтролируемая сила, которую она с таким отвращением наблюдала у Зары. Только у неё она была направлена не на обладание, а на защиту. Защиту своего. Того, что всегда было её, а она была слишком слепа, чтобы это увидеть.

То, что она так тщательно и безуспешно искала в других для него, жило в ней самой. И она, слепая, упрямая дура, пыталась выдать это самое главное в своей жизни за «услугу друга». Теперь, когда эта «услуга» принесла свои горькие плоды, ей предстояло понять только одно: что делать с этим знанием, когда мосты, кажется, уже сожжены.

Глава 7

Дождь прекратился, оставив после себя мир, вымытый до скрипа. Воздух в Междумирье стал прозрачным и холодным, как лезвие. В агентстве «Купидон» было тихо — Эмма, сославшись на мигрень, закрылась у себя наверху, и Саруг, закончив вечерние хлопоты, устроился в гостиной с кружкой глинтвейна и старым фолиантом гномьих саг о любви, которые всегда заканчивались либо трагедией, либо злорадным морализаторством.

Стук в дверь прозвучал не как обычно — не настойчиво, не весело, а как-то устало, безнадежно, будто кто-то постучал обухом ножа по дереву. Саруг нахмурился, отложил книгу и, кряхтя, поднялся.

За дверью стоял Бастиан. Но это был не тот Бастиан, который приходил сюда за последние недели — отполированный, пустой или измученный. Это была его тень, его негатив. Он был бледен, под глазами — глубокие фиолетовые тени, словно он не спал несколько суток. Его одежда была помята, волосы — всклокочены, будто он постоянно проводил по ним рукой. Но самое страшное были глаза. В них горел тот самый огонь, который Саруг видел раньше — огонь живого, чувствующего человека. Но сейчас это был огонь догорающего костра, в котором остались только горький пепел и отчаяние.

— Она дома? — спросил Бастиан, не здороваясь. Голос его был хриплым, прерывистым.

— Наверху. Говорит, голова болит, — ответил Саруг, отступая, чтобы пропустить его. — Но я-то думаю, у неё болит не голова, а кое-что повыше. Входи, сынок, входи. На тебе лица нет.

Бастиан шагнул внутрь, машинально сбросил плащ на пол, даже не попытавшись повесить. Он прошёл в гостиную и рухнул в кресло у камина, в то самое, где сидел в тот роковой вечер. Он уставился на тлеющие угли, его руки безвольно лежали на подлокотниках, пальцы слегка подрагивали.

Саруг молча налил ему глинтвейна в свою запасную кружку — тяжёлую, глиняную — и протянул. Бастиан взял её, обхватив ладонями, будто ища спасения в тепле, но не сделал ни глотка.

— Она подобрала мне невесту, — тихо произнёс он, не отрывая взгляда от огня. — Кажется, уже третью. Или четвертую. Я начинаю путаться. Вчерашняя... та, с арканом и взглядом как у голодной рыси... Она положила мне руку на рукав. И я понял, что если она не уберёт её через секунду, я встану и уйду. Не вежливо, не извинившись. Просто встану и уйду. Потому что мне было физически тошно.

Он замолчал, сжал кружку так, что костяшки пальцев побелели.

— И я ушёл. Но не потому, что она не убрала руку. А потому, что я увидел в её глазах то же самое, что видел у всех предыдущих. Оценку. Расчёт. Любопытство. Желание что-то взять. Пожиться. Ни в одном из этих взглядов не было... — он замялся, ища слово, — ...не было вопроса. «Кто ты?» Их не интересовало, кто я. Их интересовало, что я могу им дать. Красивую картинку. Интеллектуальную беседу. Острые ощущения. Что угодно. Но не меня.

Он наконец поднял взгляд на Саруга. В его глазах стояла такая неподдельная, детская боль, что у старого гнома сжалось сердце.

— И самое ужасное, Саруг, — голос Бастиана сорвался, — самое ужасное, что всё это организовала она. Эмма. Она, которая... которая знает меня лучше всех. Она, которая видела меня пьяным, злым, смешным, трусливым, храбрым. Она, которая... — он сглотнул, — ...которая должна была понять, что для меня это пытка. Но она этого не поняла. Или поняла, но ей всё равно. Потому что для неё это — «услуга друга». Чистая, рациональная, практичная помощь. Как починить заевший замок или найти пропавшую кошку.

Он умолк, опустив голову. Плечи его ссутулились под невидимой тяжестью.

— Я больше не могу, — прошептал он так тихо, что гному пришлось наклониться. — Я не могу больше смотреть на эти её «деловые» глаза, когда она говорит о «кандидатках». Я не могу больше играть в эту игру. Я думал... я надеялся, что увидев меня с кем-то другим, она... — он махнул рукой, словно отгоняя глупую муху. — Какая разница, на что я надеялся. Я дурак. Больше всего на свете я боюсь, что однажды она подберёт ту, что «подойдёт». Ту, с которой я смогу вести светскую беседу дольше десяти минут. И тогда... тогда мне придётся или сломать себе хребет, втискиваясь в эти подобранные ею рамки, или... или потерять её окончательно. Потому что друзья не могут отказываться от счастья друг друга, верно?

В комнате повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием углей. Саруг отхлебнул глинтвейна, раздумывая. Он видел боль этого мальчишки (а для него Бастиан был мальчишкой) уже много лет. Видел, как тот кружил вокруг Эммы, как отступал, как шутил, как смотрел на неё украдкой с таким обожанием, что у старого гнома, выдавшего виды, перехватывало дыхание. Он видел и слепоту Эммы, её упрямое желание не замечать того, что было прямо перед носом. И он знал, что обычными методами тут ничего не добиться.

— Ты выпил свой глинтвейн, — наконец сказал Саруг, не отвечая на его вопрос. — Хочешь ещё?

— Не надо, — отмахнулся Бастиан.

— Напрасно. В таких делах небольшая крепость в крови помогает думать стратегически, а не эмоционально, — гном подлил ему в кружку, несмотря на протест. — А теперь слушай меня, сынок, и слушай внимательно. Ты всё делаешь неправильно.

Бастиан смотрел на него с тупым недоумением.

— Она играет в игру, — продолжал Саруг, усаживаясь поудобнее. — Игру под названием «Я — рациональный друг-помощник». Она написала правила, сама в них поверила и теперь заставляет играть по ним тебя. А ты — идиот — играешь. Киваешь, соглашаешься, являешься на её дурацкие свидания, надеваешь свои лучшие камзолы для этих пустых кукол. Ты стал для неё тенью, Бастиан. Предсказуемой, безопасной, вежливой тенью, которая исполняет все её прихоти. Тенью, которую не замечают, потому что она всегда рядом.

— А что мне делать? — с горечью спросил Бастиан. — Устроить сцену? Признаться во всём? Ты же знаешь, что будет. Она испугается. Смутится. Скажет что-то вроде «О, Бастиан, ты мне как брат». И наша дружба... то небольшое, что у меня ещё есть... рассыплется в прах. Я не могу рисковать этим. Я не могу её потерять полностью.

— Кто говорит о признаниях? — Саруг фыркнул. — Я говорю об игре. Ты должен перестать быть тенью. Ты должен стать... пустотой.

Бастиан уставился на него, не понимая.

— Объясни.

— Сейчас она видит тебя всегда рядом. Ты — константа. Воздух, которым она дышит. Она не ценит воздух, пока он есть. Представь, что будет, если воздух исчезнет? — гном прищурился. — Ты должен заставить её увидеть тебя не как присутствие, а как отсутствие. Не как тень, которая следует за ней, а как пустоту, которую может заполнить кто-то другой. Страшную, холодную, невыносимую пустоту.

— Я... не уверен, что понимаю.

— Прекрати быть доступным, — сказал Саруг прямо. — Прекрати играть по её правилам. Ты согласился на её «услугу»? Отлично. Теперь действуй так, будто ты серьёзно ищешь. Будь занят. Не приходи, когда она зовёт. Отменяй встречи в последний момент. Рассказывай ей о своих «свиданиях» с другими (выдумай, если надо) с таким видом, будто тебе правда интересно. Заведи «дело», которое требует твоего полного внимания где-то на краю света. Исчезни. Ненадолго. Но так, чтобы она это почувствовала.

Бастиан медленно качал головой, как будто отгоняя наваждение.

— Это... это же манипуляция. Грязная игра.

— Это война, сынок, — сурово сказал Саруг. — Война за её слепое, упрямое сердце. А на войне все средства хороши. Ты думаешь, твоё благородное страдание её тронет? Она видит страдания клиентов каждый день! Она научилась отгораживаться. Её нужно встряхнуть. Заставить увидеть тебя не как друга-Бастияна, а как мужчину, который может уйти. Который может найти счастье с кем-то другим. Который может оставить после себя дыру в её жизни размером с тебя самого.

Он делал паузу, давая словам проникнуть в сознание.

— Она организовала тебе свидание со степной амазонкой? В следующий раз, когда увидишь её, расскажи, что встречался с очаровательной исследовательницей из библиотеки, и вы так хорошо поладили, что договорились вместе изучать старые карты. Скажи это с лёгкой, отстранённой улыбкой. И тут же извинись, что должен бежать — у тебя с ней встреча. И уйди. Не оглядываясь.

— Она подумает, что я ей врать, — мрачно сказал Бастиян.

— Возможно. А возможно, в её зелёных глазах мелькнёт что-то кроме профессионального интереса. Ревность, сынок. Самая древняя и честная эмоция. Она попробует её на вкус. И ей это не понравится. Она начнёт искать тебя. Звонить. Спрашивать. А ты... ты будешь вежлив, но недостижим. Как она сама с тобой последние недели.

Бастиян закрыл глаза. В его лице шла борьба. Гордость, усталость, страх, надежда.

— А если... если она не заметит? Если ей будет всё равно? — спросил он, и в его голосе прозвучал последний, отчаянный страх.

Саруг вздохнул, и его взгляд стал мягче.

— Тогда, сынок, ты получишь свой ответ. Горький, но окончательный. И сможешь, наконец, начать жить дальше. Без этой надежды, которая съедает тебя изнутри. Иногда отсутствие ответа — тоже ответ.

Он помолчал, затем добавил:

— Но я в неё верю. В эту упрямую, слепую девчонку. Она просто застряла в своей голове, среди всех этих нитей и анкет. Ей нужно напомнить, что её собственное сердце — не картотека. И иногда для этого нужно не придвинуться, а отступить. Чтобы она потянулась сама.

Бастиян сидел неподвижно ещё долго после того, как Саруг замолчал. Он смотрел на огонь, но, казалось, видел что-то далёкое — возможное будущее, полное боли или, может быть, наконец-то, счастья. Он поднял кружку и сделал большой глоток глинтвейна. Жидкость обожгла горло, но внутри стало теплее.

— Я ненавижу игры, — тихо сказал он.

— Все их ненавидят, пока не выиграют, — философски заметил Саруг. — Решай. Продолжай быть тенью и сторай тихо. Или рискни стать пустотой и, возможно, зажечь в ней огонь.

Бастиян опустошил кружку, поставил её на стол с твёрдым, решительным звуком. В его глазах, наконец, погасла безнадёжность. Её сменила твёрдая, холодная решимость человека, дошедшего до края.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. Голос его окреп. — Поиграем. По её правилам... и по моим.

Он кивнул Саругу, поднял с пола свой плащ и вышел, не прощаясь. Дверь закрылась за ним тихо, но в тишине дома этот звук прозвучал как первый залп в тихой, отчаянной войне за сердце, которое даже не подозревало, что его могут завоевать.

Саруг остался сидеть у огня, допивая свой глинтвейн. Он смотрел на дверь, за которой растворился молодой человек, несущий в себе и боль, и новую, опасную надежду.

— Глупые дети, — пробормотал он себе под нос, но в его голосе не было раздражения, только старая, усталая нежность. — Оба слепые. Одному — нити чужие видеть, другому — своё сердце. Ну что ж, помоги им, старина. Хоть советом.

Он вздохнул и снова взялся за книгу, но уже не читал, а просто смотрел в пламя, думая о том, как хрупки сердца, и как много боли они способны причинить друг другу, даже когда полны любви. Особенно когда полны любви.

Глава 8

После бурного внутреннего откровения, последовавшего за «свиданием» с Заарой, Эмма провела два дня в состоянии, близком к параличу. Она не могла работать, не могла думать о белой орхидее в витрине, не могла смотреть на папки с анкетами. Она сидела в своей комнате, уставившись в стену, и перематывала в голове кадры последних недель: пустые глаза Бастиана в кафе, его отстранённость в библиотеке, его оскал и холодный отпор в таверне. И каждый раз её пронзала одна и та же мысль: «Это я сделала. Я довела его до этого».

На третий день её спасла работа. Необходимость. Пришёл клиент.

Его звали Ториан. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, изборождённым не столько возрастом, сколько глубокими, непрожитыми морщинами горя. Он был одет скромно, но опрятно, его движения были медленными, будто каждое требовало невероятных усилий. Когда он вошёл в кабинет агентства «Купидон», Эмма, сидевшая за своим столом и беспечно перебирающая бумаги, сразу же обратила внимание на его руки. Они лежали на коленях, крупные, трудовые, и слегка дрожали.

И тогда она увидела.

На его левом запястье, там, где у живых и счастливых людей отходила вдаль яркая алая нить, у Ториана висел короткий, неровно оборванный лоскут. Он не исчезал, не растворялся — он просто обрывался в сантиметре от кожи, безжизненный и страшный в своей окончательности, как шрам на душе. Оборванная нить. Приznak вдовства. Приznak того, что твоя вторая половинка ушла в мир иной, оставив тебя одного на этом берегу бытия.

У Эммы перехватило дыхание. Она видела такие нити раньше, конечно. У стариков на улицах, у случайных прохожих. Но никогда — у клиента, сидящего перед ней и ищущего... чего? Утешения? Замены? Забвения?

— Прошу, садитесь, — сказала она, и её голос прозвучал тише, мягче, чем она планировала. — Чем я могу вам помочь, мистер...?

— Ториан. Просто Ториан, — ответил он, опускаясь на стул с тихим стоном, будто кости его ныли. — Мне... рекомендовали ваше агентство. Сказали, вы помогаете людям найти... понимание.

Он говорил медленно, подбирая слова, будто каждый давался ему с трудом.

— Понимание? — осторожно переспросила Эмма.

— Моя жена, Лианна... её не стало два года назад, — выдохнул он, и его глаза, сухие и выгоревшие, уставились в пространство где-то за спиной Эммы. — С тех пор мир... он стал плоским. Без цвета. Без вкуса. Я просыпаюсь, работаю в своей мастерской (я кузнец), ем, ложусь. И всё. Как механизм. Друзья говорят: «Ториан, нужно двигаться дальше. Найти себе новую спутницу». Они даже... женщин каких-то приводили. Хороших женщин. — Он покачал головой, и в этом жесте была бездна тоски. — Но я смотрю на них и не вижу её. Я слушаю их и не слышу её смеха. Я... я не могу. Мне кажется, это предательство. По отношению к ней. К нашей любви.

Он замолчал, сжав свои большие руки в кулаки, чтобы они не дрожали.

— А потом я услышал о вас. Что вы... что вы не просто сводите людей. Что вы видите что-то большее. Связь. Судьбу. — Он посмотрел на неё прямо, и в его взгляде была последняя, тлеющая искра надежды. — Скажите... а бывает так, что у человека... только одна нить? Одна на всю жизнь? И если она оборвана... то всё? Конец?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как свинец. Эмма смотрела на этот оборванный лоскут, на его боль, и её собственная душа содрогнулась. Перед её внутренним взором всплыл образ отца. Герхарда Броудса. Высокого, статного мужчину с аккуратно уложенными каштановыми волосами и... такой же оборванной алой нитью на запястье. Он носил её с собой каждый

день, с того момента, как умерла Юлия. Эмма видела её всегда, но никогда по-настоящему не задумывалась, что это значит. Что он чувствовал?

Она вспомнила его в первые месяцы после смерти матери. Он не плакал при ней. Он был собран, деловит, занимался делами, заботился о ней, подростке. Но по ночам она иногда слышала, как он ходит по дому — бесцельные, тяжёлые шаги, которые эхом отдавались в пустом, наполовину мёртвом пространстве. Она видела, как он сидит в гостиной, уставившись в темноту, и в его руке — бокал с чем-то крепким, который он так и не подносил ко рту.

А потом появилась Эльза. Бледная, худощавая блондинка с тонкими запястьями. И у неё... у неё тоже была оборванная нить. Эмма видела её. И тогда, в своём подростковом гневе, она восприняла это как подтверждение: «Вот, у неё тоже кто-то был, она тоже его забыла и пришла занимать чужое место!». Она не понимала. Не хотела понимать.

И только сейчас, глядя на Ториана, на его абсолютное, всепоглощающее горе, она начала осознавать. Отец не «забыл» маму. Он не «заменял» её. Он нашёл человека, чья боль, чья пустота резонировала с его собственной. Они не были друг для друга «истинными парами» в том магическом, фатальном смысле, который видела она. Они были друг для друга убежищем. Тихим пристанищем от одиночества, островком тепла в холодном море потери. Они держались друг за друга не потому, что их нити были сплетены, а потому, что оба знали, каково это — когда нить оборвана. Они делили не страсть, а печаль. И из этой общей печали, возможно, вырастала какая-то другая, более тихая, более выстраданная любовь. Любовь-сострадание. Любовь-выбор.

— Мистер Ториан, — начала Эмма, и её голос дрогнул. Она сглатила слезу. — Я вижу вашу боль. И я вижу... вижу связь, которая у вас была. Она была настоящей. И она навсегда останется частью вас.

Она осторожно, не дотрагиваясь до него, жестом указала на его запястье.

— Ответ на ваш вопрос... я не знаю. Я не богиня и не Норна, чтобы вершить судьбы. Я лишь вижу то, что уже есть. Но я скажу вам вот что: сердце — не каменная скрижаль, на которой можно высечь лишь одно имя. Оно... как живой ручей. Да, он может пересохнуть от горя. Но вода может найти новый путь. Не для того, чтобы забыть старое русло, а чтобы продолжать течь. Жить.

Ториан смотрел на неё, и в его глазах что-то шевельнулось — не надежда, нет. Скорее, признание. Признание того, что его боль увидели. Не пытались заткнуть советами, а просто увидели.

— Я не ищу замены Лианне, — прошептал он. — Это невозможно.

— Я знаю, — тихо сказала Эмма. — И я не буду вас убеждать. Но, возможно... возможно, вы ищете не замену, а продолжение. Способ снова почувствовать, что мир не совсем плоский. Что в нём ещё остались краски. Пусть и другие. — Она сделала паузу. — Я не могу обещать вам новую алую нить. Но я могу пообещать, что буду предельно честна. Если я увижу возможность... не для забвения, а для исцеления... я скажу вам. А если нет... то мы просто поговорим. Как два человека, которые понимают, что такое потеря.

Слёзы, наконец, выступили на глазах у Ториана. Не рыдания, а тихие, скупые мужские слёзы, которые он даже не пытался смахнуть.

— Спасибо, — выдохнул он. — Уже за то, что не говорите «всё пройдёт». Или «она бы хотела, чтобы ты был счастлив».

— «Всё пройдёт» — это ложь, — сказала Эмма. — Боль не проходит. Она становится частью тебя. Ты просто учишься дышать с ней.

Он кивнул, встал, немного пошатываясь. Они договорились, что он вернётся через неделю, просто «поговорить». Эмма не взяла с него денег. Это не была услуга. Это было что-то другое.

Проводив его до двери, Эмма долго стояла в опустевшем кабинете. Она смотрела на свою собственную руку, на гладкое, пустое запястье, где не было ни целой нити, ни оборванной. Только кожа. Она думала об отце. Что он чувствовал, когда умерла мама? Такую же вселенскую пустоту, как Ториан? И когда он встретил Эльзу... он выбрал покой, тихое тепло, отсутствие боли? Или в нём всё же зажглась какая-то искра? Не та, ослепительная, что была с Юлей, а тлеющий, тёплый уголёк, который просто не давал замёрзнуть?

И тогда мысль, неотвязная и страшная, посетила её: а она сама? У неё нет нити. Ни целой, ни оборванной. Значит ли это, что её сердце... пусто? Что оно не способно на такую всепоглощающую любовь, как у родителей? Или... или это значит, что её судьба — не фатум, не магическая предопределённость, а выбор? Что её «истинная пара» — это не тот, кого назначили боги, а тот, кого она сама выберет? И кого она сможет удержать, не дать оборвать нить, защитить?

И вдруг, совершенно неожиданно, перед её внутренним взором возникло лицо Бастиана. Не пустое, не измученное, не холодное. А настоящее. Смеющееся. Доброе. Преданное. Лицо человека, который был рядом всегда. Который выбирал быть рядом. Каждый день. Год за годом.

Что, если... что, если её «нить» — это не магический шнурок, а история? История их дружбы, их ссор, их поддержки, их тысяч общих воспоминаний? Что, если она уже сплетена — не из магии, а из времени, доверия и чего-то такого глубокого, что она даже не решалась назвать это словом?

И что, если, пытаясь «найти ему пару», она на самом деле пыталась найти замену... себе? Неосознанно проверяя, найдётся ли кто-то, кто сможет занять её место в его жизни? И придя каждый раз к выводу «нет, не найдётся», она испытывала не профессиональную фрустрацию, а дикое, животное облегчение?

От этих мыслей у неё закружилась голова. Она оперлась о стол, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Всё, что она думала, что знала о любви и судьбе, переворачивалось с ног на голову.

Она подошла к окну и посмотрела на белую орхидею. Цветок стоял безмятежный, холодный, загадочный. Символ чужой, непонятной судьбы. А рядом, в стекле, отражалось её собственное бледное лицо с широко раскрытыми глазами, в которых плескались страх, смятение и первый, слабый проблеск понимания.

Возможно, самые важные нити — те, что невидимы. Те, что мы ткём сами. И, возможно, самое страшное — не увидеть, что твоя собственная нить уже давно привязана к чьему-то запястью. И ты просто боишься на неё взглянуть.

Глава 9

Известие о новом деле пришло не через белую орхидею, а самым обычным, деловым образом — по официальному каналу связи между мирами, на бланке с гербами двух, как ни странно, соседствующих друг с другом печатей. Саруг, проверив почтовый ящик у портала, принёс конверт Эмме с многозначительным хмыканьем.

— Гляди-ка, сваха, тебя уже в миротворцы записали, — пробурчал он, протягивая толстый пергамент.

Эмма, всё ещё пребывавшая в глубокой задумчивости после визита Ториана, с трудом переключилась. Она развернула письмо. Суть была изложена сухо и безэмоционально, что лишь подчёркивало накал страстей:

Два клана гномов-металлургов, Дернстоки и Громоуеи, много поколений враждовавшие из-за месторождения редкой руды «звёздной стали» в недрах мира Каменного Сердца, два года назад заключили хрупкий мир. Залогом мира стал древний семейный артефакт Дернстоков — «Сердцевяз». Это не просто украшение: это сложное механико-магическое устройство в виде двойного кольца, которое, будучи надето на пару, резонирует с истинными чувствами, усиливая взаимопонимание и доверие. По условиям договора, артефакт хранился в нейтральном святилище, а ключи от хранилища были у глав обоих кланов. Неделию назад «Сердцевяз» бесследно исчез. Каждый клан обвиняет в краже другой. Мир висит на волоске. Взаимные обвинения могут в любой момент перерасти в открытый конфликт. Обращаемся к вам, мисс Броудс, и к господину Франсту (чьи услуги были оплачены заранее кланами) с просьбой расследовать исчезновение и вернуть артефакт до истечения срока перемирия (осталось 10 дней).

Эмма перечитала письмо дважды. «Сердцевяз». Артефакт, усиливающий связь между сердцами. Ирония судьбы была настолько очевидной, что её невозможно было игнорировать. И пропал он как раз тогда, когда её собственная способность видеть связи превратилась в сплошное мучение.

И второе: «к господину Франсту». Их услуги были заказаны вместе. Кто-то, кто знал об их давнем партнёрстве. Бастиану уже отправили копию. У неё не было выбора — нужно было связаться с ним. Дело было слишком серьёзным, чтобы позволить личным чувствам вмешаться. Или, как горько подумала Эмма, это был идеальный способ снова столкнуться с ним, не придумывая предлогов.

Она активировала связной камень — плоский, тёплый агат, настроенный на парный камень Бастиана. Ответ пришёл не сразу. Когда в камне наконец ожило изображение, оно было нечётким, будто связь была плохой, а лицо Бастиана — намеренно отстранённым.

— Эмма, — произнёс он ровным, деловым тоном. — Я получил письмо. Уже знакомлюсь с материалами по кланам. Каменное Сердце — не самое гостеприимное место, но проходы знаю. Когда готовы выдвигаться?

Его тон, его слова — всё было правильно, профессионально. И от этого становилось ещё холоднее. Ни тени прежней лёгкости, ни «Привет, Эм, опять вляпались?». Просто «когда готовы выдвигаться».

— Я... я тоже ознакомились, — сказала Эмма, стараясь соответствовать его тону. — Думаю, чем раньше, тем лучше. Через два часа у портала на перевале Трёх Скал? Там ближайший стабильный выход к предгорьям Каменного Сердца.

— Согласен. Через два часа. Я возьму необходимое снаряжение для подземных вылазок. — Он сделал паузу, и в его голосе впервые прозвучало что-то кроме безличной вежливости, но это было... усталое раздражение. — Надеюсь, ты не планируешь брать с собой какие-нибудь «кандидатки» для полевых испытаний? Здесь не до этого.

Удар был настолько неожиданным и точным, что у Эммы перехватило дыхание. Она увидела, как его губы на мгновение искривились в нечто, отдалённо напоминающее его старую, язвительную улыбку, но лишённое всякой теплоты. И прежде чем она смогла что-то ответить, связь прервалась.

Она сидела, держа в руках остывший камень, и чувствовала, как её щёки пылают от стыда и гнева. Он никогда не говорил с ней так. Никогда. Даже в самых яростных спорах. Это было холодное, расчётливое ранение. И оно достигло цели.

Два часа спустя, у скалистого портала, завываемого пронизывающим ветром, они встретились. Бастиан уже ждал, закутанный в практичный, прорезиненный плащ с капюшоном, с объёмным походным рюкзаком за плечами. На поясе у него висели знакомые Эмме инструменты: фонарь на магических кристаллах, набор отмычек, компактный арбалет. Он кивнул ей, оценивающим взглядом окинул её собственный, более лёгкий, но тоже подготовленный снаряд.

— Пошли. Портал активирован, — сказал он просто и первым шагнул в мерцающий завесой энергии проход.

Мир Каменного Сердца встретил их грохотом. Не метафорическим — самым что ни на есть буквальным. Воздух дрожал от постоянного, низкого гула, исходящего из-под земли: это работали гигантские гномьи кузни, плавильные печи, насосы, откачивающие подземные воды. Сам мир представлял собой бесконечные горные хребты, ущелья и искусственные террасы, покрытые приземистыми, крепкими каменными постройками. Небо было вечно затянуто дымом и паром, пахло серой, раскалённым металлом и пылью. Здесь не было места чему-то хрупкому, нежному — только прочность, упорство и вековая вражда.

Их принял старший представитель нейтрального совета — седобородый гном с лицом, как изваяние из гранита. Он провёл их в подземный зал совета, где уже ждали, сидя по разные стороны длинного стола из чёрного базальта, главы кланов. Борд Дернсток, краснолицый и громогласный, и сухопарый, молчаливый Торбин Громовой. Между ними висела такая плотная завеса взаимной ненависти и недоверия, что её, казалось, можно было потрогать.

Эмма, следуя привычке, бросила взгляд на их запястья. И оба, и Дернсток, и Громовой, имели крепкие, яркие алые нити. Но нити эти не были связаны с кем-то в этом зале. Они уходили куда-то вдаль, вероятно, к их жёнам в родовые поместья. Даже в самой лютой вражде их сердца были заняты.

Объяснения были краткими и обвинительными. Дернсток кричал, что Громовей подкупили стражу святилища. Громовой, не повышая голоса, парировал, что Дернстоки инсценировали кражу, чтобы получить повод разорвать договор и снова захватить месторождение. Никаких следов взлома, никаких свидетелей. Только пропажа из запертой на шесть сложных запоров усыпальницы.

Бастиан слушал молча, его взгляд скользил по лицам, по стенам, по полу. Когда главы закончили, он задал всего три вопроса, каждый — по делу:

1. Были ли у кого-то из кланов в последнее время финансовые трудности, которые мог бы решить выгодный саботаж?
2. Кто, кроме них, имел доступ к планам хранилища?
3. Не было ли в последние месяцы попыток свадьбы или иного союза между членами кланов?

Последний вопрос заставил обоих гномов поморщиться, как от дурного запаха. «Никогда!» — прорычал Дернсток. Громовой лишь холодно покачал головой. Но Эмма заметила, как на заднем плане, среди свиты молодых гномов, одна фигура слегка дёрнулась. Девушка-гном с тщательно заплетённой бородой (у гномов это считалось признаком красоты и статуса), дочь

Торбина Громовея. И парень из свиты Дернстоков, сын кузнечного мастера. Их взгляды встретились на долю секунды и тут же отпрянули. И — о чудо — от запястья девушки к запястью парня тянулась тонкая, робкая, но уже вполне оформившаяся алая нить. Она была свежая, хрупкая, как роса на паутинке. И она была крамольной.

Эмма не сказала ничего сразу. Но когда они с Бастианом вышли из зала для первичного осмотра святилища, она поделилась наблюдением.

— Ты уверена? — спросил Бастиан, не глядя на неё, изучая массивную дверь усыпальницы.

— Абсолютно. Это молодая нить. Они боятся.

— Страх — отличный мотив, — произнёс он, присев на корточки, чтобы осмотреть нижний край дверного полотна. — Молодые, влюблённые, их семьи — смертельные враги. Украсть символ мира, который держит их кланы в состоянии холодной вражды... это мог бы быть отчаянный шаг, чтобы свалить всё, вынудить кланы к какому-то другому решению, или просто создать хаос, в котором можно сбежать.

Его логика была безупречна. И в тот момент, когда он говорил, анализируя, строя версии, снова возникла та самая, старая слаженность. Эмма видела то, что не видел никто. Бастиан складывал факты в картину, как пазл. Она была глазами, он — мозгом. Они дополняли друг друга, как всегда.

— Нужно поговорить с ними. Отдельно, — сказала Эмма.

— Согласен. Ты займёшься девушкой. Я поговорю с парнем. Используй... свой подход, — он наконец посмотрел на неё, и в его глазах на секунду мелькнуло что-то знакомое — не тепло, а профессиональное уважение. — Они напуганы. Они могут сделать что-то глупое, если почувствуют давление.

И они разделились. Эмма нашла дочь Громовея, Грету, в её покоях, где та бесцельно перебирала драгоценные камни. Разговор был непростым. Девушка отнекивалась, её тёмные глаза полные страха. Но когда Эмма мягко сказала: «Я вижу, что твоё сердце уже выбрало. Даже если разум боится», — Грета сломалась. Слёзы потекли по её щекам, смывая сажу с ресниц.

Она не знала, где артефакт. Но она призналась, что они с Борном (сыном кузнеца Дернстоков) тайно встречались. Мечтали о том, чтобы кланы помирились по-настоящему. А когда пропал «Сердцевяз», они в ужасе подумали, что их раскроют — все подумают, что это они, чтобы сорвать мир и сбежать в суматохе.

Тем временем Бастиан, с его умением вести жёсткие, но не ломающие собеседника допросы, вытянул из Борна похожую историю. Парень был готов взять вину на себя, лишь бы защитить Грету.

Встретившись снова в отведённой им комнате, они сравнили записи.

— Они не брали, — констатировал Бастиан, скидывая плащ. — Слишком наивны и напуганы. Но их страх и тайна — отличное прикрытие для настоящего вора. Кто-то, кто знал или догадался об их связи, мог подстроить кражу так, чтобы подозрение пало на них или чтобы их раскрытие стало дополнительной искрой в костёр вражды.

— Значит, ищем того, кому выгоден срыв договора, — сказала Эмма, чувствуя странное, щемящее чувство ностальгии. Вот так, плечом к плечу, они решали головоломки. Это было просто. Понятно. В этом не было той мучительной путаницы, которая творилась у неё в душе.

— Или того, кому нужен сам артефакт, — добавил Бастиан, разворачивая карту подземных туннелей. — «Сердцевяз» — мощный магический инструмент. Не только для любовных дел. Усиление эмоциональной связи... это можно использовать для манипуляций, контроля, вытягивания информации. Его могли украсть на заказ.

Они проработали несколько часов, выстраивая и отбрасывая версии. И всё это время старая слаженность возвращалась. Он подавал ей инструмент, прежде чем она просила. Она

заканчивала его мысль. Они обменивались взглядами, и в них читалось понимание. Это была работа. Их работа. Та самая, которую они любили.

И когда они наконец решили, что на сегодня хватит, и нужно начинать прочёсывать туннели вокруг святилища на предмет тайных ходов, Бастиан вдруг, упаковывая карты, сказал, не глядя на неё:

— Кстати, завтра не смогу начать рано. У меня встреча.

Эмма замерла.

— Встреча? По делу?

— Нет, — он ответил просто, застёгивая рюкзак. — Личная. С той самой исследовательницей из Библиотеки Свитков. Кажется, Вивиан. Мы договорились продолжить разговор о криптографии. В более... неформальной обстановке.

Он произнёс это так естественно, так легко, как будто говорил о погоде. Как будто не было ни его отвращения в библиотеке, ни её мучительных наблюдений. Как будто он и правда заинтересовался ледяной интеллектуалкой.

И вся та мимолётная слаженность, теплота совместной работы разбилась вдребезги, как хрустальный бокал об каменный пол. Эмма почувствовала, как внутри всё сжимается. Он играл. Он играл в игру, правила которой она сама установила. И играл блестяще.

— Я... я понимаю, — с трудом выдавила она. — Значит, встретимся после обеда.

— Да, — он кивнул, и в его глазах не было ни злорадства, ни вызова. Только та самая, невыносимая, вежливая пустота. — Не беспокойся, я не подведу по работе. Просто... нужно уделять время и личной жизни, верно? Как ты и советовала.

Он вышел, оставив её одну в каменной комнате, наполненной гулом подземного мира. Эмма стояла, прислонившись к холодной стене, и смотрела на дверь. Их профессиональная слаженность была реальной. Но между ними теперь зияла пропасть, которую она сама и вырыла. И Бастиан, следуя совету, который она не слышала, мастерски показывал ей эту пропасть, заставляя заглянуть в неё. Заставляя увидеть, что он — не просто тень, которая всегда рядом. Он — человек, который может уйти. И, кажется, начинает делать первые шаги в этом направлении. А она, слепая, наблюдала за этим, понимая, что её «услуга друга» обернулась самой изощрённой пыткой — для них обоих.

Глава 10

Мир назывался Ксенос. Это было не имя, а скорее диагноз. Пространство на краю Междумирья, где законы физики и магии договаривались друг с другом по остаточному принципу. Здесь гравитация могла внезапно ослабнуть на склоне холма, заставив камни плыть в воздухе, а в соседнем ущелье — удесятриться, расплющивая всё, что не было приковано цепями. Цвета были ядовито-яркими, звуки — искажёнными, а время текло неровно, рывками. Это был идеальный притон для контрабандистов, беглецов и тех, кто занимался делами, слишком грязными даже для теневых миров. Именно сюда, согласно их расследованию, мог скрыться посредник, предположительно продавший информацию об устройстве охраны святилища «Сердцевяза».

Путешествие через нестабильный портал оставило у Эммы лёгкую тошноту и металлический привкус на языке. Они оказались на окраине того, что с натяжкой можно было назвать городом: нагромождение построек из ржавого металла, кристаллических образований и чего-то органического, пульсирующего слабым светом. Воздух пах озоном, сероводородом и чем-то сладковато-гнилостным.

— Красивое местечко, — проворчал Бастиан, поправляя ремень нагрудника. Он был в полной боевой готовности, его лицо под капюшоном было сосредоточенным, но без следов той холодной отстранённости, что была в Каменном Сердце. Здесь была другая опасность — простая, физическая, и это, казалось, возвращало ему привычную собранность. — Наш контакт должен быть в «Гниющем Якорь». Вон там, где мигает сине-зелёная вывеска.

Они двинулись по кривой, неровной улице. Под ногами хлюпала странная слизь, а с «неба», представлявшего собой свинцово-лиловый вихрь энергии, периодически падали капли едкой жидкости. Эмма чувствовала, как её дар, обычно настроенный на тонкие эмоциональные связи, здесь сбивался с толку. Вокруг витали обрывки каких-то чужих, искажённых чувств — панический страх, алчность, безумная надежда. Всё перемешалось в ядовитый коктейль.

«Гниющий Якорь» оказался дырой, выдолбленной в гигантском, полом кристалле. Внутри было тесно, шумно и так же хаотично, как и снаружи. Существа самых разных рас толпились у стойки, торговались в тёмных углах, наблюдали за новоприбывшими оценивающими, недружелюбными взглядами.

Их контакт, существо с кожей, похожей на кору, и слишком большими, чёрными глазами, ждало в дальнем боксе. Оно не стало церемониться.

— Информация о гномьих замках? Да, продавал. Некому... коллекционеру. Предпочитаю не знать имён. Платил хорошо. — Его голос звучал как шелест сухих листьев.

— Описание, — требовательно сказал Бастиан, положив на стол между ними небольшой, но явно тяжёлый кошель.

Существо описало высокого человека в плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Говорил мало, с лёгким акцентом жителя Прибрежных Миров. Интересовался не только защитой, но и символикой артефакта, его историей.

— Он спрашивал, может ли «Сердцевяз»... усилить связь, которая уже оборвана, — прошептало существо, и в его глазах мелькнул неподдельный страх. — Я сказал, что не знаю. Он как-то странно на это посмотрел... и ушёл.

Эмма почувствовала ледяной холодок по спине. Кому мог понадобиться артефакт любви для связи с мёртвым? Это было зловеще.

Получив направление — «коллекционер» ушёл в сторону Ржавых Пустошей, нестабильного района на окраине Ксеноса, — они покинули таверну. Бастиан шёл впереди, его тело было напряжено, как у хищника, готового к прыжку. Эмма следовала за ним, стараясь не отставать, её чувства были натянуты, как струны.

Ржавые Пустоши оправдывали своё название. Это было море окисленного металла, острых, как бритва, обломков и торчащих из земли гигантских, мёртвых механизмов неизвестного назначения. Воздух дрожал от низкочастотного гула, а под ногами то и дело вздрагивала и проваливалась почва. Магия здесь вела себя особенно капризно: вспышки дикой энергии вырывались из-под земли, рисуя в воздухе на мгновение ослепительные, опасные узоры.

— Следуй за мной точно, — бросил Бастиан через плечо, прокладывая путь между ржавыми пиками. — И смотри под ноги. Здесь могут быть разломы.

Он двигался с уверенностью, которая успокаивала. Эмма ловила себя на мысли, что всегда чувствовала себя в безопасности, когда он был рядом. Даже сейчас, в этом аду.

Именно в этот момент мир решил напомнить им о своём нраве. Справа от них, в десяти шагах, пространство содрогнулось и выплюнуло сферу хаотичной магической энергии размером с тележку. Она не летела — она пульсировала, расширяясь и сжимаясь, с треском вбирая в себя куски металла и выстреливая ими, как шрапнелью.

— Вниз! — крикнул Бастиан.

Эмма бросилась на землю, укрывая голову руками. Рядом с ней со свистом пролетел осколок, вонзившись в ржавую стену позади. Но она не рассчитала траекторию отскока. Другой, меньший обломок, отрикошетив, просвистел прямо над её спиной, задев и сорвав с её плеча ремень сумки с инструментами. Сумка отлетела, её содержимое — карты, компасы, флаконы — разлетелось по неровной поверхности, покотившись к краю внезапно открывшейся трещины в грунте.

— Чёрт! — выругалась Эмма, инстинктивно потянувшись за ближайшим, укатывающимся фонарём. Это был важный инструмент для подземных туннелей.

— Эмма, стой! — рявкнул Бастиан, но было поздно.

Она сделала два шага к трещине, наклонилась. И в этот момент земля под её левой ногой — казавшаяся твёрдой — внезапно осыпалась. Это была не трещина, а край скрытого разлома, замаскированного слоем ржавой пыли и окалины. Эмма почувствовала, как опора уходит из-под ноги. Она вскрикнула, пытаясь отпрыгнуть назад, но потеряла равновесие. Её тело качнулось, и она начала падать в чёрную, зияющую щель, из которой валил пар и доносился злобный гул.

Время замедлилось. Она увидела мелькающие обломки, почувствовала запах раскалённого металла и страха. Мысли пронеслись вихрем: «Нелепо. Глупо. Умереть здесь, из-за дурацкого фонаря».

И тогда что-то с силой обхватило её за талию и резко рвануло вверх и назад. Бастиан. Он успел. Он метнулся через пространство, ещё бурлящее остаточной энергией, схватил её и отбросил на безопасный участок. Отдача от толчка и её собственный вес заставили его пошатнуться. Он не упал, но его левая рука, вытянутая для рывка, на долю секунды оказалась на пути очередного, последнего выброса энергии из угасающей сферы. Ослепительная, радужная вспышка ударила в его предплечье, отшвыривая его назад. Он с глухим стоном упал на колени, схватившись за руку.

Сфера, исчерпав энергию, с шипением схлопнулась. Воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь гулом Пустошей.

— Бастиан! — Эмма, откашлявшись от пыли, подбежала к нему. Сердце колотилось так, что она слышала его в висках. — Ты ранен?

— Пустяк, — сквозь зубы процедил он, но его лицо было белым от боли. Он разжал пальцы, обхватывающие руку чуть ниже локтя. Ткань рукава и кожа под ней были обожжены. Не до кости, но ожог был серьёзным — багрово-красным, с пузырями и странным, перламутровым отливом по краям — след хаотичной магии. — Просто царапина. Энергия уже рассеивается.

Но Эмма не слушала. Вид его раны, той самой руки, которая только что спасла её от падения в бездну, вызвал в ней прилив такой животной, всепоглощающей паники, какой она не испытывала никогда. Это был не страх за клиента, не беспокойство за партнёра. Это было что-то глубинное, инстинктивное. Её руки задрожали. Дыхание перехватило.

— Это не пустяк! — её голос звучал резко, почти истерично. Она сорвала с шеи свой шёлковый шарф (бесполезный аксессуар для такого места, но сейчас она была благодарна за него) и, не думая о стерильности, намочила его водой из своей фляги. — Дай сюда. Нужно охладить и перевязать. Эта энергия... она могла проникнуть глубже!

— Эмма, успокойся, — попытался он остановить её, но она уже прикладывала мокрую ткань к ожогу, её движения были резкими, неточными от дрожи. — Всё в порядке. Я видел хуже.

— Молчи! — рывкнула она, и в её глазах стояли слёзы — слёзы ярости, страха и беспомощности. — Просто молчи и не двигайся!

Он замолчал, наблюдая за ней. Его боль ушла на второй план, уступив место удивлению. Он видел её заботливой с клиентами, видел её профессиональной, видел даже разгневанной. Но такой — с трясущимися руками, с бледным лицом, с голосом, срывающимся от эмоций, — такой он её не видел. Никогда. Даже когда её сбила машина, её страх тогда был другим — отстранённым, шоковым. А это... это было личное.

Она закончила первичную обработку и, порывшись в своём уцелевшем пояском мешочке, нашла тюбик с универсальной мазью от ожогов и острозаточенный бинт. Её пальцы всё ещё дрожали, когда она наносила мазь, стараясь быть нежной, но получалось неуклюже.

— Прости, — прошептала она, не глядя ему в глаза. — Это я... это из-за меня.

— Я сам полез, — тихо сказал он. Его голос потерял всю свою прежнюю холодность или деловитость. Он звучал просто. Устало. — И сделал бы это снова. Фонарь не стоил бы того, но ты — стоишь.

Эмма замерла, бинт в её руках застыл на полпути. Она подняла на него взгляд. В его карих глазах не было ни упрёка, ни игры, ни той пустоты. Была только усталая правда и... что-то ещё. Что-то тёплое и глубокое, что она так давно в них не видела. И в этот момент её внутренний голос, тот самый, что являл и анализировал, крикнул ей: «Смотри! Вот он. Настоящий. Тот, кто всегда готов броситься за тобой в бездну. И что ты делала все эти недели?»

Она быстро опустила глаза, закончила перевязку. Её паника начала отступать, оставляя после себя дрожь и смущение.

— Нужно вернуться в условленную точку, — сказал Бастиан, поднимаясь с её помощью. Его лицо вновь стало сосредоточенным, но не холодным. — Наше присутствие здесь уже раскрыто, а я не в лучшей форме для продолжения погони. К тому же, этот «коллекционер»... его интерес к оборванным связям меня беспокоит. Нужно обдумать это в спокойной обстановке.

Они молча, поддерживая друг друга, покинули Ржавые Пустоши. Эмма шла рядом, её взгляд то и дело непроизвольно скользил к его перевязанной руке. Каждый раз при этом в груди сжималось что-то тёплое и болезненное одновременно. Она осознавала это с ужасающей ясностью: её реакция была непропорциональна. Это была не благодарность коллеги. Это была паника человека, который чуть не потерял что-то самое важное. Первый тревожный, оглушительный звоночек, прозвеневший сквозь все её самообман и рациональные построения.

А когда они уже подходили к portalу, Бастиан, глядя прямо перед собой, тихо сказал:

— Спасибо. За перевязку.

— Не за что, — автоматически ответила Эмма.

— Нет, — он остановился и посмотрел на неё. В его взгляде снова промелькнула та самая глубина. — За то, что испугалась. Это... было честно.

И он шагнул в портал, оставив её стоять с этим простым, но разбивающим все её защиты заявлением. Он увидел её страх. И он назвал это честностью. Всё, что было между ними послед-

ние недели — её «услуга», его холодность, эти дурацкие свидания — было игрой, ложью, театром. А её паника, её трясущиеся руки были единственной за это время правдой. И он это признал.

Эмма последовала за ним, чувствуя, как земля под её ногами, вернувшись в стабильный мир, всё ещё кажется зыбкой. Но теперь не из-за магических аномалий. А из-за того, что рухнули последние внутренние укрепления, за которыми она пряталась от самой себя. И осталась только дрожь, боль в его руке и тихий, нарастающий ужас от понимания, что она чувствует нечто гораздо большее, чем готова была признать. И что, возможно, уже слишком поздно что-то менять.

Глава 11

Возвращение в агентство «Купидон» после Ксеноса было похоже на попадание в вату. Тишина, нарушаемая лишь потрескиванием камина, знакомые запахи старого дерева, чая и пыли с полок — всё это казалось нереальным после хаотичного грохота Ржавых Пустошей. Но внутри Эммы бушевал собств

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.